УДК 378.1(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-35-46

Советская студенческая интеллигенция
и общественный договор:
проблемы принятия и участия
(1917–1929 гг.)

Марина С. Короткова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, marina.s.korotkova@gmail.com*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость общественного договора между государством и студенческой молодежью в изменившихся условиях (с 1917 г. до конца 20-х гг.), цели и условия каждой из сторон, примеры вынужденного принятия и последствия отказа. Приведена классификация советской учащейся молодежи, дана характеристика полярных студенческих миров, проявляющаяся как в мотивации получения высшего образования, так и во взаимоотношениях внутри дифференцированных групп.

Продемонстрированы экстремальные условия обучения в вузах первых лет советской власти и возможности погружения в процесс духовного производства. Рассмотрен факт принадлежности социальной группы студенчества к интеллигенции: показаны изменения, происшедшие вследствие трансформации системы высшего образования, итогом которой стало появление новой группы рабочей социалистической интеллигенции.

Ключевые слова. Студенчество, молодежь, интеллигенция, общественный договор, высшее образование, советская власть

Для цитирования: Короткова М.С. Советская студенческая интеллигенция и общественный договор: проблемы принятия и участия (1917–1929 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 35–46. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-35-46

The soviet student intelligentsia
and the social contract.
Issues of acceptance and participation
(1917–1929)

Marina S. Korotkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marina.s.korotkova@gmail.com*

Abstract. The article substantiates the need for a social contract between the state and the student youth in the changed conditions (from 1917 to the end of the 20s), the goals and conditions of each of the parties, examples of forced acceptance and the consequences of refusal. It gives the classification of Soviet students as well as the characteristic of polar student worlds, which manifests itself both in motivation for higher education and in relationships within differentiated groups.

The author demonstrates extreme conditions of study in universities of the first years of Soviet power and the possibility of immersion in the process of spiritual production. The fact that the social group of students belongs to the intelligentsia is considered and the changes that occurred after the transformation of the higher education system, which resulted in the emergence of a new group of working socialist intelligentsia are characterized.

Keywords: students, youth, intellectuals, social contract, higher education, Soviet power

For citation: Korotkova, M.S. (2024), “The soviet student intelligentsia and the social contract. Issues of acceptance and participation (1917–1929)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 35–46, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-35-46

Введение

Студенчество обычно называют предынтеллигенцией: выпускники университетов и других высших учебных заведений по их окончании пополняют ряды социальной группы, которую принято называть интеллигенцией [Платова 2001]. Занимая временный статус студента, они, сами того не сознавая, участвуют в духовном производстве: включенность в образовательный процесс предполагает активную когнитивную работу по познанию, пониманию новых дисциплин, овладению профессиональными навыками. Погруженность в интеллектуальную деятельность является основанием отнесения студентов к социальной группе интеллигенции.

Объективно специфика рассматриваемого феномена продиктована историческим периодом, в процессе которого формировались условия принадлежности к узкой прослойке интеллигенции. Одним из наиболее интересных периодов являются первые 10–12 лет советской власти, когда вузы страны оказались в сложном положении на переломном рубеже между двумя эпохами. Это был период экспериментов в образовательном процессе, и его участники принимали условия общественного договора со стороны государства, только участвовали они в нем по-разному.

В условиях радикальных перемен двум субъектам (государству и студенчеству) был необходим общественный договор, некий компромисс, посредством которого становилось возможным плодотворное сотрудничество и реализация основной деятельности каждого: идеологической и учебной. От согласия/несогласия принимать условия общественного договора для учащейся молодежи зависела возможность получения высшего образования, обретение статуса студента, а в дальнейшем – профессионала.

Участники общественного договора

Молодежь формировала массовое сознание всего общества, именно на молодое поколение делалась весомая ставка государства в деле созидания нового общества, с новыми правилами и новыми условиями жизни [Панков 2019, с. 42]. К 1917 г. в России насчитывалось более 100 университетов и других высших учебных заведений, в которых обучалось более 100 тыс. студентов. Число обладателей дипломов о высшем или среднем специальном образовании достигло 240 тыс. человек, а общую численность интеллигенции большинство специалистов определяет в 1 млн человек из 160 млн населения страны¹. К середине 1920-х гг. молодежь 20–29 лет составляла почти половину населения. К 1929 г. молодых людей в возрасте от 10 до 24 лет было 48 млн человек [Сахаров 2008, с. 43].

Именно молодежь, ее душевные силы, уверенность в лучшем завтрашнем дне были как нельзя кстати для новой советской власти. Они были молоды и ведомы, это предопределило их отзывчивость. Студенчество поддержало Февральскую революцию 1917 г. из-за возможности учиться, получить образование. Ведь раньше они были лишены этого вследствие войны и массового призыва. Их спланивало недовольство существующим строем, озлобление

¹ *Синецкий А.А.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР: Статистическое исследование. М., 1950. С. 35.

мобилизацией. Политические партии использовали этот момент, вырабатывая тактику для привлечения студенчества, пообещав демократизацию общественных порядков, улучшение материального положения, академические свободы, условия для творческого труда. Студенчество принимало участие во всех политических событиях накануне и во время Февральской революции, однако революционным идеям была подвержена лишь радикальная часть учащейся молодежи. Основная масса оставалась пассивной, про должив обучение.

Классификация советского студенчества

Социальное расслоение в вузах в те годы было гигантским. Интерес представляет самое крупное деление студентов на «мужиков» (пролетариев) и «жоржиков» (иных). Идентифицировать себя с одним из этих полярных миров означало обладать определенным набором статусных характеристик, определяющих образ жизни молодых людей рассматриваемого периода.

Общественный договор прежде всего поддержало рабоче-крестьянское студенчество, новая трудовая интеллигенция, «мужики» – выходцы из деревенских и городских «низов». Они выделялись окраинным, пригородным, деревенским выговором, нескладными лаконичными фразами, брутальными манерами. Их внешность была подчеркнута серой, невыразительной. Простая одежда нередко была рваной; в этой среде ценились мозолистые, загрубелые руки. И.М. Ильинский писал о них: «Классовое происхождение наложило резкий отпечаток на их наружность, манеру держаться, способ мышления» [Ильинский 1929, с. 227]. В общении они допускали матерщину, между собой они сразу переходили на «ты», говорили друг другу «товарищ». Чего не чурались студенты-пролетарии, так это доносов, их писали на «жоржиков», которых считали классовыми врагами.

Комсомольская часть студенчества составляла примерно 10–15% слушателей. Именно через комсомол большевистское руководство старалось воспитать нового советского человека, стойкого борца и преданного революционера [Панков 2019, с. 42]. Изначально комсомол должен был стать кузницей кадров только для партии, но с течением времени он стал школой для будущих строителей государства, армии, науки. Комсомольская часть студенчества также была дифференцирована: в ней отчетливо просматривались две категории – так называемые активисты и академики. Первые делали ставку на комсомольскую карьеру, а в дальнейшем – политическую

карьеру. Главным делом в вузе для них была общественная работа и выслеживание классовых врагов. «Академики», напротив, избегали комсомольских поручений, углублялись в учебу, полагались только на свои способности, и на деле были включены в процесс духовного производства. Взаимоотношения между этими абсолютно разными по духу группами комсомольцев были не просто холодными, но иногда и враждебными. Условное разделение на «мужиков» и «жоржиков» происходило и между ними.

Меньшинством из тех, кто не принял идеологию новой власти или принял вынужденно (в ходе «чисток»), являлось непролетарское студенчество – выходцы из интеллигентных семей. Они рассматривались советской властью как «чуждый элемент», от которого нужно было постепенно избавиться. В вузы присылали «черные списки» неблагонадежных: их отчисляли с последнего курса, за 2–3 экзамена до получения диплома, а сопротивления жестоко пресекались.

В противовес «мужикам» «жоржики» обращались друг к другу вежливо – на «Вы» или «коллега», но не «товарищ». Речь была безукоризненная, выдающая начитанность и широкий кругозор, многие знали несколько иностранных языков. У этой группы за плечами была либо гимназия, либо гувернеры с репетиторами, литературные кружки и диспуты. Интеллигенция в чистом смысле, только по идеологическим причинам не всем из них удалось развить и реализовать свой научный, творческий потенциал. У них нередко отсутствовала четкая жизненная цель, что неудивительно в быстро меняющейся действительности того времени, отсутствовала стратегия достижения, чего нельзя было сказать об их коллегах из крестьянско-пролетарской среды. Одежда аккуратная – не обязательно богатая, но чистая и глаженная. Юноши демонстрировали свою принадлежность к этой группе студенчества – мундирами, фуражками, кокардами. Они резко контрастировали с серенькой провинцией, особенно с крестьянством, из которых многие ходили в самотканых пиджаках и грубых «танках»². В стенах вуза студенты этого типа обычно все силы отдавали учебе, дистанцируясь, сколько было возможно, от общественно-политической деятельности. Условия общественного договора принимали вынужденно. Советский вуз, как и советскую власть, они воспринимали как безысходную, безальтернативную данность, поэтому стремились любыми путями попасть в высшую школу и удержаться там во время «чисток».

² *Закурдаева А.* Дневник с вопросами // Красное студенчество. 1928. № 8. С. 12.

Как правило, студенты этой категории пользовались уважением и находили понимание у старой профессуры, но были презираемы и не пользовались доверием у партийных и комсомольских деятелей вузов. У них была частная жизнь, которая происходила отдельно от коллектива. Принципиальной чертой «жоржиков» было отношение к доносительству как к тяжкому греху – позорным считалось донести начальству не только на товарища, но и на классового врага. Для многих из них социальная реальность была амбивалентной и определялась ключевой оппозицией «русское»–«советское». Прекрасно передал эту психологию один из представителей «золотой молодежи» 1920-х гг.:

Советское меня интересовало лишь постольку поскольку. Приходилось в нем жить, приспосабливаться к его нравам и поневоле их перенимать, но я не забывал, что это не мое общество, что я в нем чужак, пришелец извне, обманом перенявший личину «своего». Многое мне в нем не нравилось... многое отталкивало, но в целом оно казалось мне здоровым. А рядом с ним, изгнанное на задворки и затаившееся, чуть ли не подпольно продолжало существовать другое общество – русское, к которому принадлежал я сам... собственно, это было уже не общество как таковое, а какие-то его обломки: но жизнь теплилась в них, что позволяло надеяться на возможность регенерации из этих ошмётков некоего обновлённого организма³.

Самая радикально настроенная часть студентов непролетарского происхождения, пока могла это делать, не скрывала своего неприятия идеологии большевиков. С каждым новым набором, особенно после 1926 г., «жоржиков» объективно становилось все меньше [Федотов 1930, с. 209]. Однако студенты с советской идентичностью вскоре стали отождествлять с ними некоторую часть пролетарского и даже партийно-комсомольского студенчества, которая не вписывалась в «идеальную» модель советского студента с коммунистическим мировоззрением, революционным аскетизмом, классовой ненавистью к врагам.

Мотивация получения высшего образования

Рабоче-крестьянская молодежь видела, что сама возможность получения высшего образования открывала новые перспективы, ранее не предполагаемые. Переезд в город, обучение в вузе, полу-

³ Слепухин Ю. Не подводя итогов // Звезда. 2001. № 9. С. 55.

чение профессии и рабочего места – все это стало возможным с приходом к власти большевиков, и за эту возможность цеплялись, старались не упустить. Новая трудовая интеллигенция смела интеллектуалов. Эта группа студентов безоговорочно приняла идеологию партии, а с нею и все условия общественного договора.

Пролетарская молодежь, более идеологизированная и политизированная по сравнению с крестьянской, видела в вузе плацдарм для взятия новых, внезапно открывшихся перед ними жизненных высот. Деревенской молодежи приходилось тяжелее других, однако крестьянский практицизм конституировал главную жизненную цель: через получение образования «выйти в люди», осесть в городе, сменить профессию, повысить социальный статус. Образно говоря, это была полная «смена кожи».

Активная общественно-политическая деятельность студентов-пролетариев гарантировала беспрепятственное поступление в вуз, довольно успешную учебу, а еще и выгодное распределение после выпуска (так называемые выдвиненцы). Студенты из непролетарских слоев, господствовавших в дореволюционных вузах, поступали в вузы с одной целью – получить разностороннее высшее образование, развить свой интеллектуальный ресурс, продолжить семейную традицию. Можно сказать, это был уникальный опыт совместного существования представителей двух разных студенческих миров: старой дореволюционной и новой советской высшей школы.

Учебная подготовка

Интеллектуальная составляющая, освоение которой дает право считать студенчество интеллигенцией, сильно пострадала. Это объяснялось многими причинами: низким уровнем подготовки абитуриентов, перегрузкой студентов общественной работой, снижением квалификации профессорско-преподавательского состава, слабой учебно-материальной базой вузов, острым недостатком средств.

Процесс обучения был изменен до неузнаваемости. В 1920-е гг. в большинстве вузов существовало свободное посещение лекций, действовало право студентов на выбор лектора. Физически не было никаких учебников – дореволюционные сожгли как вредоносные, а новые еще не написали и, тем более, не издали.

Полноценного включения или даже погружения в процесс духовного производства не было. Рассмотрим причины этого. Начнем с объективных: в 1918/19, 1919/20 и 1920/21 уч. гг. занятия, как правило, проходили в условиях, близких к экстремальным. Лекции

и практические занятия проводились в две и три смены, занимались там, где было потеплее, посветлее, почище, иногда на квартирах профессоров и преподавателей. Одной из главных субъективных причин слабой успеваемости являлся формальный подход к учебе, традиционно присущий большинству российских студентов и во многом производный от бюрократизма самой системы образования.

По статистическим данным на 1923/24 уч. г., в 44 вузах страны в среднем не успевало 28% студентов. Хуже всего учились коммунисты и комсомольцы, ставившие общественную работу выше академической. Успеваемость заметно возрастала во время вузовских «чисток». Никто не хотел терять статус студента, с таким трудом приобретенный и обещающий гораздо более важные карьерные перспективы на производстве и в партии. Для подавляющей части студенчества 1920-х гг. была характерна ситуация, когда отметка в зачетной книжке была важнее знаний. Только с окончанием гражданской войны возникли более благоприятные условия для организации учебного процесса, занятия стали приобретать более систематический, отлаженный характер.

Не приходится удивляться, почему атмосфера конца 1920-х – начала 1930-х гг. способствовала выдвижению в число трудовой интеллигенции не самых достойных представителей рабоче-крестьянского студенчества. Происходя в большинстве своем из социальных «низов», многие выдвиженцы репрезентировали лишь внешние атрибуты своего рабоче-крестьянского происхождения: намеренно подчеркнутую культурную неотесанность, брутальный стиль поведения и соответствующий лексикон, спекуляцию своим «трудовым» происхождением. Самым преуспевающим типом выдвиженца оказался полуграмотный люмпен, человек с деклассированным сознанием, человек без корней, без нравственных регуляторов. Нормы, ранее регулировавшие его поведение, утратили силу, а новые еще не были усвоены. На волне аномии происходили процессы подмены понятия «интеллигенция»: трудовая, партийная – да, но не интеллектуальная.

Однако для руководства партии в 1920-е гг. идейная преданность выпускников вузов советской власти была важнее их профессионального уровня. Впервые студентам была предоставлена возможность реализовать себя в качестве полноправных субъектов общественного договора: они были допущены к проработке важных академических вопросов. Студенты-партийцы, комсомольцы, рабфаковцы активно участвовали в обсуждении содержания учебного процесса, качества обучения, позиции тех или иных профессоров. Нередко студенты ставили вопрос об отстранении тех или иных преподавателей, о пересмотре тех или иных разделов дисциплин, актив-

но участвовали в работе предметных комиссий. Это стало большим отличием организации учебного процесса в вузах в 1920-е гг. от всех предыдущих периодов.

Какую цель общественного договора преследовало государство?

Из студенческой молодежи, а именно комсомольской ее части, необходимо было подготовить свободных сознательных граждан, достойных участников великой борьбы, которую им предстояло вести в рядах пролетариата за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от гнета капитала. Это был тот резерв из крестьян и рабочих, откуда партией черпалось пополнение своих рядов. Пролетаризация высшей школы в первые 10–15 лет была для партийно-советского руководства идеей фикс: в «старой интеллигенции» формирующаяся номенклатура видела своих конкурентов и стремилась заменить «буржуазных спецов» управляемыми «красными командирами производства».

С течением времени часть старой интеллигенции влилась в номенклатуру (путь вынужденного принятия общественного договора), а другая часть старой интеллигенции сошла с арены или была сведены с нее (отсутствие общественного договора). Большая часть адаптировалась к новым условиям и увидела в них карьерные преимущества. С конца 1920-х – начала 1930-х гг. «новая интеллигенция» стала вытеснять «старую интеллигенцию». Задача пролетаризации потеряла свою остроту, и во второй половине 1930-х гг. большинство абитуриентов стали приниматься на общих началах.

Задача создания «социалистической» интеллигенции решалась форсированными способами: детей рабочих, крестьян принимали на первых порах в вузы без проверки их знаний на вступительных экзаменах, обучение шло ускоренными темпами, командным методом. Вчерашние рабочие, крестьяне, солдаты, матросы и их дети становились «пролетарской интеллигенцией» в невиданных масштабах [Квакин, Постников 2009].

Заключение

Итак, общественный договор был достигнут в первые годы советской власти: за свержение монархии студенчество голосовало без разбора на сословия, а оно и было по сути буржуазным. Далее произошел раскол, связанный с внутренней дифференциацией

студенчества: новое рабоче-крестьянское, пролетарское, комсомольское студенчество поддержало выгодные для него условия договора полностью и поспешило воспользоваться вновь появившимися возможностями; старое непролетарское студенчество поддержало саму возможность получения/продолжения образования, но не идеологию и технологию новой власти, за что постепенно поплатилось отчислением по идеологическим причинам как чуждый, неугодный элемент с неправильным классовым происхождением. Вынужденно принявшее идеологию большевистской власти ради получения высшего образования «белоподкладочное» студенчество в процессе нескольких волн «чисток» было лишено и этой возможности, несмотря на умственные способности, показатели успеваемости и даже последний курс обучения.

Руководство партии, заключив договор со студенчеством, решало вполне меркантильную задачу – скорую подготовку кадровой смены. Новой власти нужны были послушные исполнители, строители социалистического будущего, поэтому поспешно открывались вузы, несмотря на финансовую невозможность их содержания и последующие объединения и сокращения. На производство должны были выйти люди, умеющие обслуживать станки и добросовестно работать на предприятии. Достаточно было дать им базовое образование и, что еще важнее, веру в собственную исключительность и правильность выбранного пути.

Новое время советской власти формирует новые, не существовавшие ранее нормы общественной жизни, нового человека, нового студента. На вершине студенческой социальной лестницы осталась интеллигенция, только теперь она стала трудовой, социалистической, наиболее полно включенной уже не в интеллектуальную, а общественно-политическую деятельность.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgments

The article was carried out within the framework of the grant “Fates of the social contract in Russia. Evolution of ideas and lessons of realization” by the Russian Science Foundation, no. 23-18-00093.

Литература

- Закурдаева 1928 – *Закурдаева А.* Дневник с вопросами // Красное студенчество. 1928. № 8.
- Ильинский 1929 – *Ильинский И.М.* Заметки о высшей школе // Новый мир. 1929. № 3. С. 225–231.
- Квакин, Постников 2009 – *Квакин А.В., Постников Е.С.* Завоевание высшей школы»: профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х годов). М., 2009. С. 5–48.
- Крачковский 1946 – *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. М., 1946. С. 70.
- Панков 2019 – *Панков Н.П.* Советский человек: воспитание новой молодежи. 1920–30-е годы. М., 2019. С. 42.
- Платова 2001 – *Платова Е.Э.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. СПб., 2001. С. 115–123.
- Сахаров 2008 – *Сахаров А.Н.* 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69.
- Федотов 1930 – *Федотов Г.П.* Новое отечество // Судьба и грехи России. 1930. Т. 1.

References

- Fedotov, G.P. (1930), “The New Fatherland”, *Sud’ba i grekhi Rossii* [The fate and sins of Russia], vol. 1.
- Il’inskii, I.M. (1929), “Notes about the higher school”, *Novyi mir*, no. 3, pp. 225–231.
- Kvakin, A.V. and Postnikov, E.S. (2009), “*Zavoevanie vysshei shkoly*”: *professorsko-prepodavatel’skii sostav i studenchestvo Rossii v porevolutsionnoe vremya (1917 – konets 1930-kh godov)* [“The Conquest of Higher Education”. The teaching staff and students of Russia in the post-revolutionary period (1917 – late 1930s)], Moscow, Russia.
- Krachkovskii, I.Yu. (1946), *Nad arabskimi rukopisyami* [Among Arabic manuscripts], Moscow, Russia.
- Pankov, N.P. (2019), *Sovetskii chelovek: vospitanie novoi molodezhi. 1920-30-e gody* [The Soviet man. Education of new youth. The 1920s and 30s], Moscow, Russia.
- Platova, E.E. (2001), *Zhizn’ studenchestva Rossii v perekhodnuyu epokhu 1917–1927 gg.* [The life of Russian students in the transitional era of 1917–1927], Saint Petersburg, Russia.
- Sakharov, A.N. (2008), “1930. The year of the ‘radical turn’ and the beginning of the Great Terror”, *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 40–69.

Информация об авторе

Марина С. Короткова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marina.s.korotkova@gmail.com

Information about the author

Marina S. Korotkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; marina.s.korotkova@gmail.com